Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

№ 1
(814)
21-й ГОД ИЗДАНИЯ

ОГОНЁК

ВЫХОДИТ ЕЖЕНЕДЕЛЬНО ПО ВОСКРЕСЕНЬЯМ

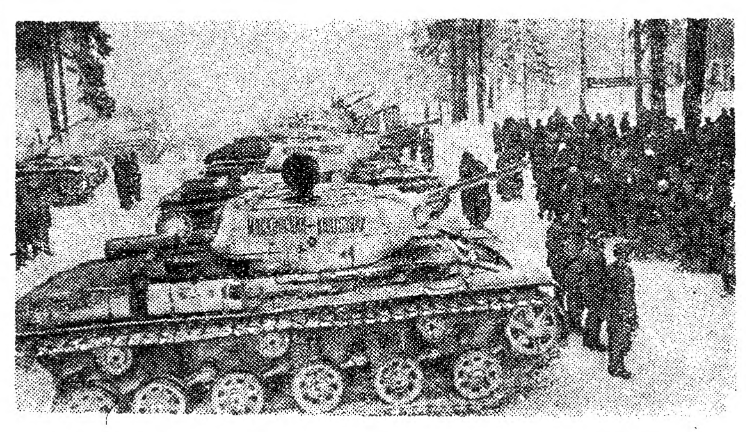
3 января 1943 г.
ВОСКРЕСЕНЬЕ

С ОГРОМНЫМ ПАТРИОТИЧЕСКИМ ПОДЪЕМОМ отдают колхозники свои сбережения на строительство танков и самолетов. Почин сделал саратовский колхозник Ферапонт Головатый, который внес 100 тысяч рублей. Его примеру последовали многие другие советские патриоты, вносящие по 100, 150, 200, 250 тысяч рублей.

В числе пламенных патриотов, отдающих свои сбережения на вооружение Красной Армии, находится Степан Григорьевич Алишкин, председатель колхоза имени Димитрова в селе Мячкове, Коломенского района, Московской области. Он внес на строительство танков 125 тысяч рублей. Мы видим на этом снимке Степана Григорьевича, который обменивается рукопожатием с командиром танка танковой колонны «Московский колхозник» тов. М. Н. Прониным.

Фото М. Озерского

ТАНКОВАЯ КОЛОННА «МОСКОВСКИЙ КОЛХОЗНИК»

С величайшим патриотическим воодушевлением восприняли наши колхозники октябрьский доклад и приказ товарища Сталина. Они откликнулись на призыв вождя выполнением и перевыполнением плановых поставок государству сельскохозяйственных продуктов. Колхозное крестьянство проводит по всей стране сбор средств на строительство танков и боевых самолётов.

В числе других передана Красной Армии танковая колонна «Московский колхозник», построенная по почину колхоза «Путь к социализму», что в селении Зябликове, Ленинского района, Московской области.

Вот она, эта мощная колонна, сфотографированная на митинге в Н-ской части, посвящённом передаче танков Действующей армии.

В братском единстве со всей Советской страной наша колхозная деревня с каждым днём увеличивает свои вклады в дело победы над немецко-фашистским врагом.

СЕМНАДЦАТЬ ПОБЕД

Семнадцать звездочек на фюзеляже боевой машины — таков счёт побед сталинского сокола капитана Сергея Сергеевича Щирова. Первый немецкий самолёт был сбит тов. Щировым где-то в районе Прута, семнадцатый — над вершинами Кавказа. Тов. Щирову присвоено звание Героя Советского Союза.

ЛУЧШИЙ РАБОЧИЙ ЗАВОДА

Депутат Верховного Совета РСФСР Е. З. Охрименко работает фрезеровщиком на заводе имени Кагановича. Из месяца в месяц он систематически выполняет более четырех норм. Тов. Охрименко присужден вымпел «Лучший рабочий завода».

СНАЙПЕР СТРЕЛЬЦОВА

До войны А. П. Стрельцова работала на заводе слесарем. Когда враг напал на нашу родину, она пошла добровольцем в Красную Армию. Изучив отлично снайперское дело, она истребила 24 фашиста. Старшина Стрельцова награждена орденом Красного Знамени.

КОМСОМОЛ В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ

В Москве, в здании Исторического музея, открылась выставка «Комсомол в отечественной войне».

В произведениях живописи, на фотоснимках, в документах, в простреленных пулями комсомольских билетах, в орденских книжках запечатлено участие героического ленинского комсомола в боях с немецко-фашистским врагом.

В особом зале выставки на серебряном щите — надпись, определяющая все содержание этого зала: «207 Героев Советского Союза дал комсомол Родине в дни отечественной войны». Многих из них, как Шура Чекалин, Зоя Космодемьянская и Лиза Чайкина, уже нет в живых; другие продолжают разить врага на фронте, зажигая всех соратников своим патриотическим энтузиазмом, своей безграничной ненавистью к подлому врагу.

Два зала посвящены подвигам комсомольцев на фронте, третий зал — нашему самоотверженному тылу, работе комсомольцев на оборонных предприятиях, в шахтах и на фабриках, в колхозах.

ЛОСКУТНОЕ ЦАРСТВО

В Венгрии, по только что опубликованным официальным данным, насчитывается 14 760 тысяч жителей. Из них 11 миллионов венгров, 1114 тысяч румын, 865 тысяч немцев, 587 тысяч русин, 513 тысяч сербов и хорватов, 308 тысяч словаков, 161 тысяча евреев и свыше 70 тысяч представителей других национальных меньшинств.

Таковы официальные цифры. В действительности невенгерского населения значительно больше: под рубрику «венгров» подведены многие жители Трансильвании, захваченных районов Югославии и т. д.

ОПАЛЬНАЯ ЦИФРА

Немецким патрулям и квислинговским полицейским прибавились теперь новые заботы. Им приказано стирать цифру «1918», появляющуюся по утрам в Бергене и других городах Норвегии — на стенах домов, на афишных тумбах и заборах.

Упоминание о 1918 годе, когда произошел разгром и крах кайзеровской Германии, действует на нервы гитлеровских оккупантов.

ТАК НАЧАЛАСЬ АТАКА

На этом снимке, переданном в Лондон по радио непосредственно с поля битвы, запечатлен первый момент атаки британских войск у Эль-Аламейна, на Египетском фронте. Устремившись из позиции, занимаемые итало-германскими войсками Роммеля, пехотинцы британской 8-й армии во взаимодействии с артиллерией и авиацией прорвали неприятельские линии и проложили дорогу танкам.

ОТ КОЛЫБЕЛИ ДО МОГИЛЫ

У гитлеровцев ничего не получается с привлечением молодых эльзасцев в армию. Добровольцев не находится, а призванные по мобилизации бегут из страны.

Окружной руководитель гитлеровской организации в городе Мюлузе некий Мурер выступил в местном Народном доме с речью, в которой заявил, что отныне «мобилизуются все, от колыбели до могилы». Затем последовали угрозы по адресу населения, т. е. «людей, которые продолжают считать, что Германия все еще может проиграть войну, ибо в один прекрасный день зашатается внутренний фронт».

В ответ на немецкие угрозы и увещевания дезертирство резко усилилось. По утверждению швейцарской газеты «Националь цейтунг», тысячи молодых эльзасцев уже находятся по ту сторону границы.

НАСТУПЛЕНИЕ ПРОДОЛЖАЕТСЯ...

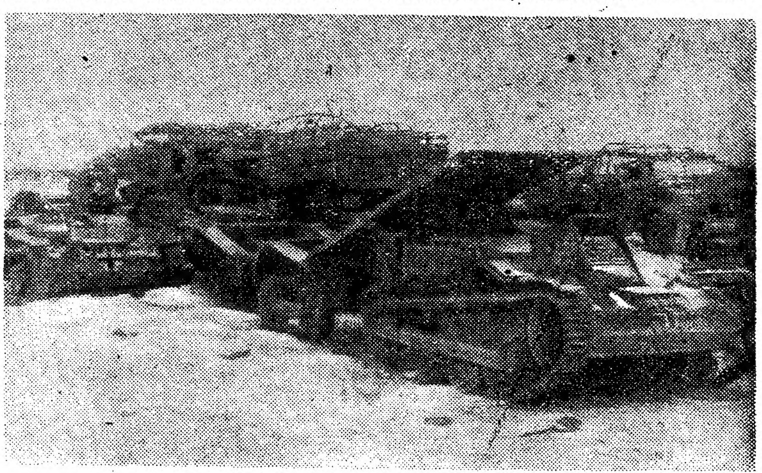
С неослабевающей силой части Красной Армии продолжают громить и уничтожать гитлеровские орды. Широким фронтом продвинулись вперед советские войска в районе Среднего Дона, под Сталинградом, на Северном Кавказе. Над многочисленными населенными пунктами, городами и железнодорожными станциями, освобожденными от фашистских насильников и грабителей, снова реет советское знамя. Гитлеровцы понесли огромные потери. За время наступления наших войск на Дону и под Сталинградом взято в плен свыше 137 тысяч солдат и офицеров противника, захвачены и уничтожены сотни немецких танков и самолетов, тысячи орудий, минометов, пулеметов, автоматов, десятки тысяч винтовок, миллионы снарядов и патронов. Гитлеровцы потеряли только убитыми больше 175 тысяч солдат и офицеров. Наступление наших войск продолжается.

На снимке вверху — бойцы Красной Армии атакуют высоту 128,2. На остальных снимках: трофеи наших войск — немецкие танки, машины, оружие, запасы продовольствия, захваченные частями Красной Армии.

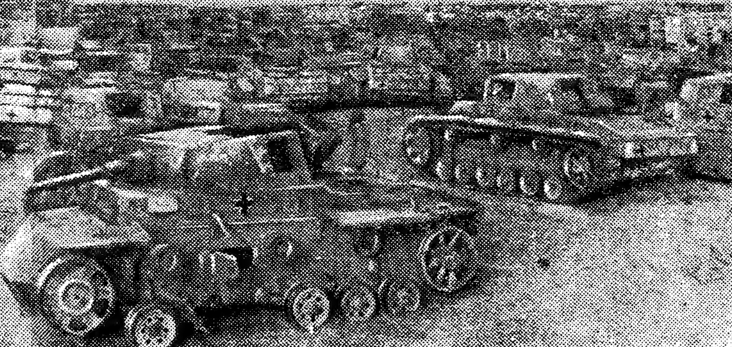
Фото А. Зенина (ТАСС) и А. Кричевского.

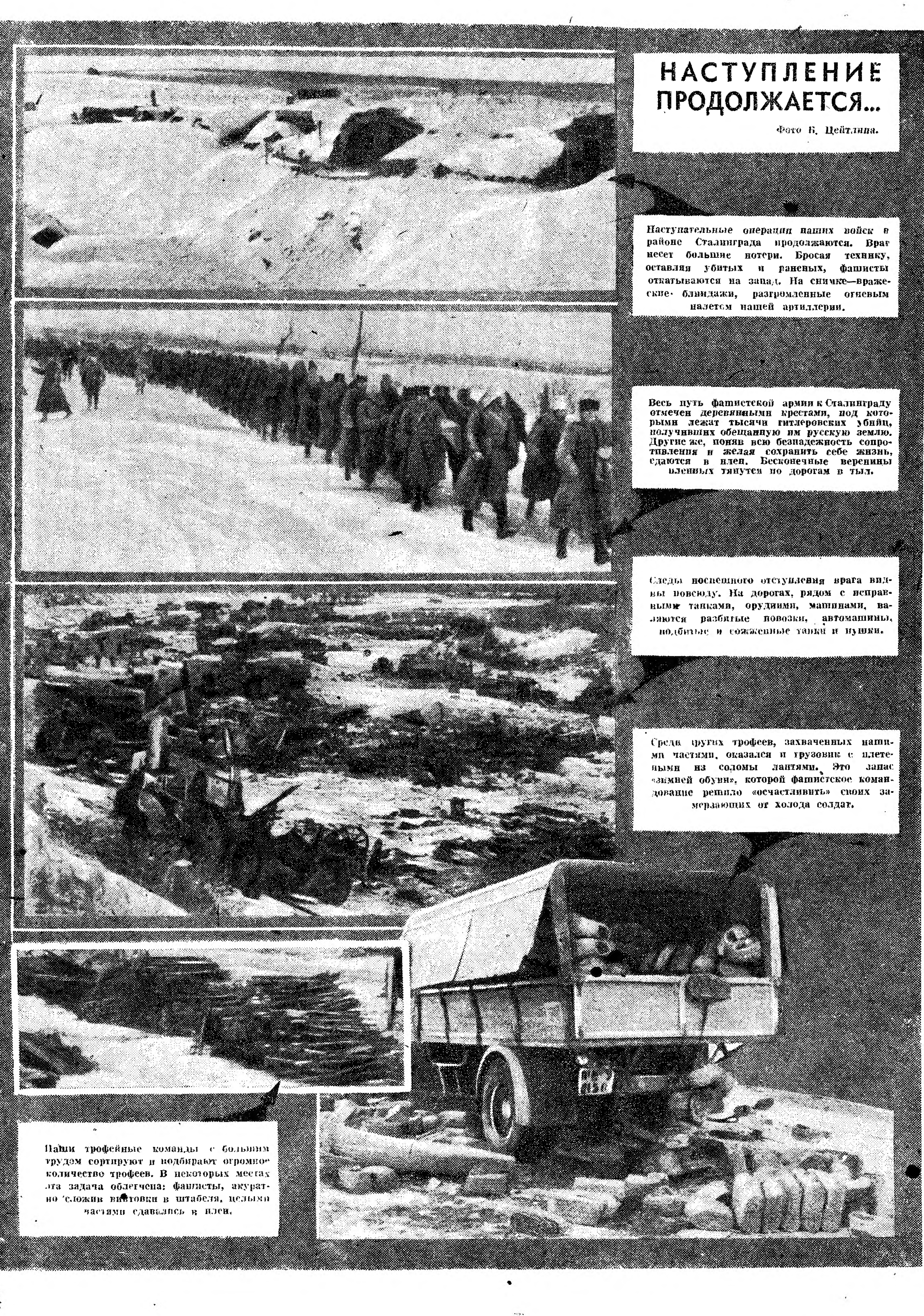

НАСТУПЛЕНИЕ ПРОДОЛЖАЕТСЯ...

Фото Б. Цейтлина.

Наступательные операции наших войск в районе Сталинграда продолжаются. Враг несет большие потери. Бросая технику, оставляя убитых и раненых, фашисты откатываются на запад. На снимке—вражеские блиндажи, разгромленные огневым налетом нашей артиллерии.

Весь путь фашистской армии к Сталинграду отмечен деревянными крестами, под которыми лежат тысячи гитлеровских убийц, получивших обещанную им русскую землю. Другие же, поняв всю безнадежность сопротивления и желая сохранить себе жизнь, сдаются в плен. Бесконечные вереницы пленных тянутся по дорогам в тыл.

Следы поспешного отступления врага видны повсюду. На дорогах, рядом с исправными танками, орудиями, машинами, валяются разбитые повозки, автомашины, подбитые и сожженные танки и пушки.

Среди других трофеев, захваченных нашими частями, оказался и грузовик с плетеными из соломы лаптями. Это запас «зимней обуви», которой фашистское командование решило «осчастливить» своих замерзающих от холода солдат.

Наши трофейные команды с большим трудом сортируют и подбирают огромное количество трофеев. В некоторых местах эта задача облегчена: фашисты, акуратно сложив винтовки в штабеля, целыми частями сдавались в плен.

ПРОВЕРКА

Всеволод ИВАНОВ

Рисунки А. Щербакова

...Со средины ночи канонада усилилась. То тут, то там в небе всплывали ракеты. Их призрачный желтый свет, похожий на свет отсутствующего полного месяца — за тучей, — создавал то состояние, когда ты стоишь против отверстия, в которое можешь видеть, но услышать ничего не услышишь. Но по мере усиления канонады и увеличения силы ракет, от света которых теперь деревья по откосу казались сине-коричневыми, а река желтой, становилось ясным, что гигантский агрегат боя смонтирован, и с минуты на минуту начнет действовать.

За час приблизительно до рассвета Матвей, передав цех своему помощнику, пошел на откос, чтобы проверить, как стоит смена истребителей танков в резерве, неподалеку от окопов. Отсюда, с откоса, движение диковинного агрегата боя чувствовалось сильнее. По ту сторону реки наши пушки начали отвечать немцам. Но еще недвижно лежали в противотанковых, замаскированных дерном и кустарником рвах противотанковые снаряды и гранаты, не булькала липкая зажигательная смесь в сосудах... Истребители танков — их пока было человек шестьдесят — нервно курили. Один из них, красивый, молодой, с темными усиками на полном лице, глядя на Матвея, сказал, видимо стараясь угадать его мысли:

— И что, товарищ начальник, думаете, поди, про нас: ранят сейчас немцы одного — мы и разбежимся?

Матвей хотел что-то сказать, но тут поспешно подошел сменный инженер сборочного цеха Никифоров, пожилой, бритый, с необыкновенно круглыми розовыми ушами, до удивления близко стоящими возле глаз. Вытирая губы рукавом куртки, очень сильно волнуясь, он отвел Матвея в сторону и сказал:

— Директор приказал: пойти комиссии на передовую линию обороны и проверить действия детали «5-ЮД». Очень он в ней сомневается. Конструктора смонтировали, соединили в одну шесть деталей, как бы она не отказала.

— Кто в комиссии?

— Я, вы, Матвей Потапыч, и конструктор Койшауров. Вот волнуется...

Матвей посмотрел на его лицо и подумал: «Да и ты, брат, волнуешься не меньше». Проверил и себя: «Тоже, пожалуй, волнуюсь»,— потому, что бруствер, бревна в его потолке, окурки и обрывки газет на полу, полутьма, запах хлеба и человеческого пота — все это было мило ему и со всем этим не хотелось расставаться. Но идти надо, да и действительно, ему хотелось посмотреть, не мешает ли работе противотанковой пушки деталь «5-ЮД». К тому же он поддерживал на производственном совещании предложение Койшаурова, застенчивого и робкого армянина. И если он точно волнуется, надо поддержать его и сейчас.

Между тем Никифоров продолжал словоохотливо:

— Он думал: ему полигон. Нет, извольте пожаловать, да и проверить ваши конструктивные изменения на поле боя! Каково?!

Видимо, он досадовал на этого Койшаурова с его конструктивными улучшениями. Матвею было это неприятно, и он сказал:

— Ну, раз пошли, так пошли!

Матвей почему-то подумал, что они пойдут прямо через лесок и противотанковые рвы к реке и перейдут ее в брод: сильные жары последних дней способствовали ее обмелению; на перекате, повыше моста, как раз против стадиона, река едва ли была по пояс человеку.

Низенький, упитанный, с широким затылком и выражением удивления в черных, на выкате глазах, конструктор Койшауров ждал их поодаль, возле кучи щебня.

— Как вы долго! — сказал он жалобно. — Это далеко?

— Через мост налево, километра два—три. Туда снаряды везут — прихватят, — ответил Никифоров со злостью.

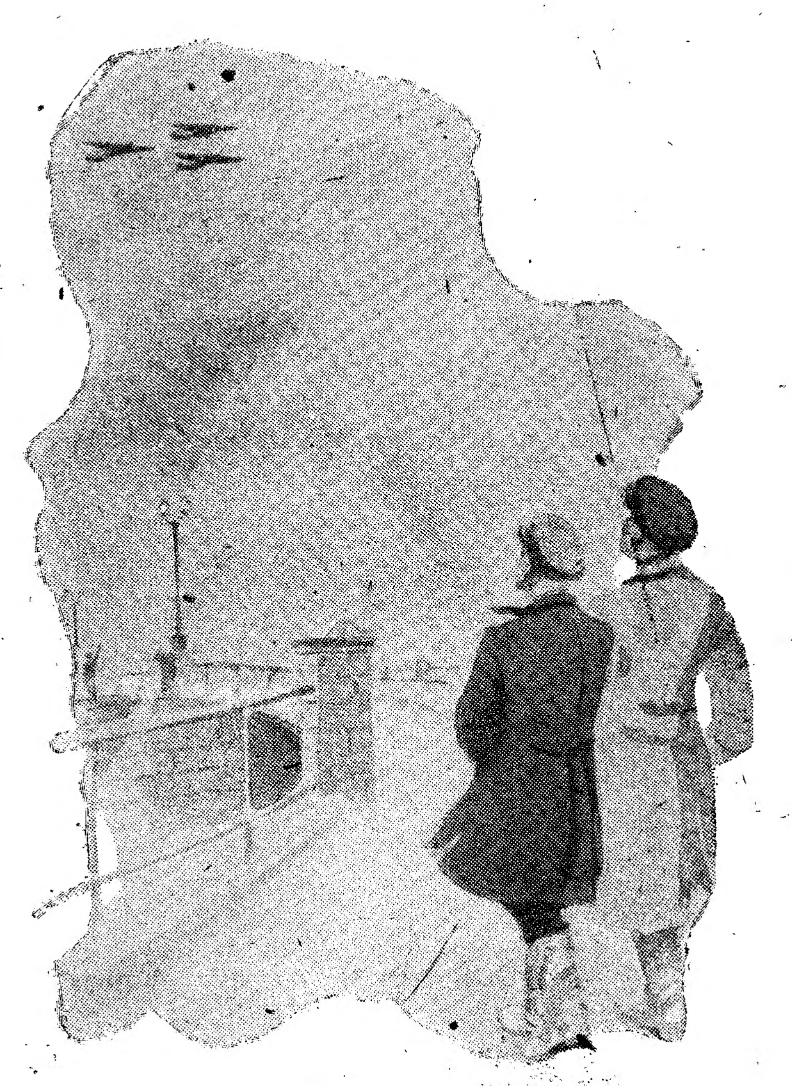
Матвей понимал, что Никифоров предполагал доехать на машине до позиций и поэтому направляется к мосту. Если же сказать Никифорову, что мост минирован и что самолеты противника через каждые полчаса бомбят его с большой высоты и все не могут попасть, то, пожалуй, Никифоров откажется от своего замысла. Но Матвею уже несколько дней хотелось пройти через мост под бомбами, ему думалось, что это и будет ответом на мучающий его вопрос: «Струсит он во время большого сраженья или нет?» Вот почему Матвей не стал настаивать на броде, а пошел за Никифоровым и конструктором, все время нервно поправлявшим на себе длинную гимнастерку.

Мост был пуст. Грузовики медленно ползли по нему вдоль отмеченной белой краской линии. Матвей смотрел по ту сторону белых полос, на трамвайные рельсы, поблескивающие в лучах рассвета, на сероватотусклый асфальт и думал: «Неужели, если грузовик свернет туда, то все сейчас: снаряды, радиатор, запыленные крылья, сам шофер, надвинувший пилотку на брови,— все это взлетит на воздух? Не может быть!»

Вдруг сигнальный замахал красным флажком, стоящий в конце моста красноармеец засвистал в новенький свисток. Показались самолеты.

— Противник? — спросил Койшауров, останавливаясь и разевая рот.

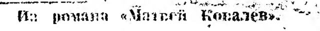
Матвей хотел поторопить его. Но тот посмотрел на Матвея строго. Ни капли испуга не было в этих до обнаженности черных глазах. То, что искал Матвей на мосту и чего не нашел, нашел

Вдруг сигнальный замахал красным флажком... Показались самолёты.

конструктор Койшауров. Перед Матвеем стоял другой человек. Он сказал:

— «СХМ» летят бомбить? Сегодня, кажется, вашим пушкам придется поработать. Вот тут-то я и докажу: мои выкладки были правильными!

В 05.15 немецкие ведущие танки прорыва атаковали наши противотанковые орудия на переднем крае оборонительной полосы.

В 5.30 Матвей и его спутники появились перед командиром, который оборонял этот участок. Это был молодой капитан, лет двадцати пяти, рослый, решительный, с повелительным и резким голосом. Удивленно подняв брови, он выслушал толковое разъяснение Матвея и сказал только:

— Генерал-лейтенант Горбыч позволил?

Помолчал и добавил:

— Отойдите пока в глубину командного пункта, а там увидим.

Никифоров и конструктор отошли. Матвею казалось невероятным, что им все время боя придется стоять здесь, где ни пушек, ни снарядов, а только три землянки, радисты и телефонисты. Командир, видимо думая, что Матвей хочет дать разъяснение, почему конструктор, начальник цеха и сменный инженер должны проверять на передовых позициях работу противотанковых пушек, и не желая впутывать генерала Горбыча в это дело, спросил:

— А что ваш директор — депутат Верховного Совета?

Матвей понял его мысль. Улыбаясь, он сказал:

— Подобная комиссия — обычное дело. В гражданскую войну рабочие в Царицыне лили пушки и тут же везли их на фронт пробовать.

— Вот тебе и Царицын! — закричал вдруг командир и, схватив Матвея за шею, бросил его рядом с собой на землю.

Над командным пунктом, бреющим полётом, осыпая холм пулями, пронесся немецкий разведчик. Телефонисты устремились к пулеметам. Капитан, догадавшись, что местопребывание командного пункта открыто, а, может быть, и смущенный доводом Матвея, сказал связному, чтобы «инженеров «СХМ» проводили на шестую батарею, добавив: «Быть там полчаса и закончить все изыскания».

Матвей, до колен измочив ноги росой, бежал какими-то канавками, пересек овраг, обогнул противотанковый ров, в котором упавший и сгоревший немецкий танк чадил, наполняя воздух смрадом горящего мяса, и, наконец, очутился перед часовым, который, выслушав сопровождавшего Матвея сержанта, указал им на пригорок, где, видимо, теперь и находилась шестая батарея.

Из романа «Матвей Ковалев».

Лейтенант, лежа на ящике и поддерживая голову рукой, смотрел вдаль на свежеистоптанное и изрытое взрывами снарядов пшеничное поле, недавно, должно быть, жёлтое и плавное. Он не повернулся на голос Матвея, а только помахал левой рукой:

— Чего проверять? Какая там деталь? Вот они.

Койшауров спросил:

— Значит, деталь действует исправно?

Лейтенант отдал команду. Четыре пушки, одна за другой, выстрелили. Стоявший справа, в конце поля, высокий зелёный куст качнулся, взметнулся на дубы и вдруг лёг вверх брюхом, и тогда только Матвей понял, что это был замаскированный вражеский танк. Для лейтенанта это явление, видимо, не было удивительным, он не радовался потому, что уже десять минут назад он должен был сбить этот танк, но ему было приятно, что зрители-инженеры охнули и заговорили быстро-быстро, так что он не понимал их слов, и ему казалось, что они читают какие-то таблицы: уже полтора часа лейтенант был ранен в голову осколком снаряда и не желал покидать поста. Стараясь экономить силы, он лежал на ящике из-под снарядов и всё время смотрел вперёд: когда танки подпрыгивали на колдобинах, ему легко было находить расстояние и назначить прицел, и, несмотря на утреннюю дымку от испаряющейся росы, он отчётливо различал их плоскости и видел пушки. Он боялся только, как бы танки не прорвались в поле: там ровно — и они смогут развить большую скорость.

Лейтенант одну за другой выкрикивал цифры, подносчики подавали снаряды, из дула вырывался огонь, и Матвей хватался за фуражку. Ему приятно было, что пушки бьют так сильно и что такая мощная волна воздуха обдаёт его, приятно было также, что Никифоров и Койшауров, вынув какие-то таблички, засекали на секундомерах время и, глядя друг на друга, ждали выстрела.

Матвею хотелось подробно объяснить лейтенанту, зачем сюда приехали инженеры: «Орудия делают сверх плана, и вот, с целью ещё более успешного...»

Снаряд разорвался у края поля. Облачко, подхваченное ветром, понесло на дуб. Танк загорелся. Инженер посмотрел в расчёты. Лицо конструктора сияло счастьем: детали пригнаны великолепно, шкала рассчитана правильно!.. «Да, мы так и впредь будем поступать,— по всей видимости, хотелось сказать ему,— прямо с шумящего конвейера орудия увезут на фронт!»

Лейтенант вдруг повернулся к Матвею, и тот увидал широкое бледное лицо, лоб которого был окутан марлей с проступающими сквозь неё пятнами крови. Кривя это лицо, лейтенант закричал:

— А, вы ещё... здесь?.. Немедленно покинуть!.. Что, не видите: танки... Не видите... Уходите!

Стоявший справа высокий зелёный куст качнулся, взметнулся на дубы и вдруг лёг вверх брюхом, и тогда только Матвей понял, что это был замаскированный вражеский танк.

Он с трудом лёг обратно на ящик, и не помышляя, должно быть, что ему тоже пора покинуть батарею. Матвей повернулся к спутникам. Конструктор и инженер ничего не поняли.

Тогда Матвей сказал:

— Такое приказание надо исполнять! Пошли!

Никифоров шагнул к выходу. Конструктор же спросил:

— Куда?

— Домой.

— Позвольте! Но мы же не проверили действие машин на остальных батареях...

Матвей указал на край поля. Если он мог ошибиться и несмотря на его величину и звуки не узнавал танка, то пехоту он разглядел мгновенно.

Когда они побежали с пригорка и перепрыгнули канаву, чтобы скрыться в лесу, прикрывающем батарею, они услышали сзади звуки немецкого пулемёта. Матвей приказал ложиться. Метров триста катились они до леса, кувырком, роняя выкладки, портсигары, перочинные ножики и платки. По звукам справа и слева можно было понять, что наши пехотинцы время от времени кидались в атаку. Нестройное и быстро замолкавшее «ура» говорило об этом. Тогда отдельные выстрелы переходили в гул, который шире и дальше разливался по лесу.

Они бежали, прячась между деревьев, хотя прямо по ним уже никто не стрелял. Конструктор всё спрашивал:

— Противник? По моим...

Он хотел сказать «по моим пушкам», но язык не поворачивался у него.

Они выбежали к реке.

Немецкая артиллерия уже перенесла свой огонь на противоположный берег реки. Пузыри пламени и дыма, похожие на те, которые вскакивают в лужах, когда кончается дождь, наполняли лесок и всё выше и выше поднимались по скату. Матвей понимал, что если они сейчас не переберутся через реку,— полчаса спустя будет поздно. Несколько легко раненых красноармейцев показались среди дубов. Они напряжённо смотрели на откос, среди которого разрывались снаряды, размётывая металлические надолбы, выворачивая бревна, открывая пасти противотанковых рвов на берегу реки. Иногда в реку падал снаряд, от которого шел густой и, казалось, влажный дым. Наверное, немцы думали, что их пехота уже подошла, и они пробовали пускать дымовые снаряды.

— Ну, господи благослови! — сказал Матвей, прыгая в реку.

Вода была теплая, доходила до груди. Конструктор шёл, держась за подол его рубахи, а инженер Никифоров всё твердил: «Как же мы пойдем по откосу? Надо бы на мост». Глупый! Он думал, что и обратно его захватит какой-нибудь грузовичок.

— Рассуждения дурацкие! — закричал со злостью Матвей, тем более злясь, что он упал в какую-то яму и ему пришлось нырнуть, дабы выплыть.— Поймите: мы пойдем по ходам сообщений!

Технический термин успокоил инженера. Он прибавил шагу.

Лесок по откосу был густо переплетён колючей проволокой. Поваленные деревья, кронами к реке, торчали на каждом шагу. Тропинки были скрыты, и появлявшееся перед ними тревожное лицо красноармейца радовало их как хороший объектив, сквозь который отчетливо можно увидеть даль и то, что в ней творится...

Лесок гудел, трещал и, казалось, переламывался пополам.

— Ну отсюда и не выберешься! — простонал Никифоров.— Да и к тому же я серебряный портсигар, дар цеха, потерял...

— «Что за комиссия, создатель»,— вдруг запел конструктор.

Матвей, удивленный, оглянулся на него.

Конструктор указал вперед. Лесок кончился.

Перед ними лежали длинные, словно нарочно растянутые как по линейке кусты смородинника, одним концом упиравшиеся в стадион, а другим — в забор, который подходил к мосту. За кустами виднелись пожелтевшая зелень поляны и цеха.

Позади их слышались залпы орудий, лязганье и грохот.

Конструктор побежал налево, к заводоуправлению, чтобы порадовать техническую часть благоприятными выводами комиссии. Инженер пошел было за ним, но, пройдя шагов десять, вернулся и сказал:

— Вы знаете, Матвей Потапыч, я, должно быть, уже пристрелялся. Не остаться ли мне среди наших истребителей?

Матвей поглядел на его лицо, покрытое листьями, приставшими к поту, на его вытянутые вперёд сухие губы, на всю его неуклюжую и неповоротливую фигуру — и стало смешно. Стараясь сдержать себя, Матвей сказал:

— Вот что, Илья Ильич. Ступайте в цех! На всякий случай раздайте рабочим винтовки и проверьте, стоят ли в проходах пулемёты.

— Слушаю,— ответил инженер.

И Матвей понял: инженер умрёт, но не покинет цеха. Да, смеяться-то, оказывается, не над чем!

Матвей оглянулся. Там, где по его плану должны были стоять рабочие — истребители танков,— стояли с гранатами и бутылками красноармейцы. Рабочие занимали только верхний ряд окопов, у самых цехов. Майор Выпрямцев исполнил приказание генерала Горбыча: беречь заводские кадры. Матвей подумал: «Меня, значит, отправили с комиссией, чтоб я не бузил?» Впрочем, обсуждать приказания майора было некогда: пробежавший мимо раненый красноармеец сказал, что немцы рвутся к реке...

...Тогда же генерал Горбыч сказал в телефон фразу, которая стоила смерти многим тысячам немцев:

— Держитесь, немцев подпускайте ближе — и давайте такой огонь, чтоб помнила веки-вечные Германия.

ВОТ ЧТО ТВОРИТ ГИТЛЕРОВСКОЕ ЗВЕРЬЕ

Фотодокументы о преступлениях немецких захватчиков

Истерзанные тела наших братьев—бойцов Красной Армии, замученных немецко-фашистскими палачами на хуторе Вертячем, Сталинградской области, виселица на площади в Великих Луках, — взывают к беспощадной, неумолимой мести.

Молча стоят бойцы у растерзанных трупов своих товарищей, и сердца их наполняются гневом и ненавистью к убийцам.

На этих фотодокументах запечатлен во всем своем злодейском облике разбойничий «порядок», установленный гитлеровцами во временно захваченных ими советских районах. Всюду, где ни ступает их нога, льются потоки советской крови.

Придет время, а оно не за горами, и немецкие мерзавцы понесут заслуженную кару за все свои преступления. Убийцы и душегубы получат полной мерой за все муки советских людей, за слезы осиротелых матерей и детей, за многие тысячи замученных и загубленных военнопленных и мирных граждан.

Сильнее удары по гитлеровским насильникам!

Смерть немецким оккупантам!

ИТАЛИЯ ПОД БОМБАМИ

Л. ВОЛЫНСКИЙ

«НЕОБЫЧАЙНЫЕ ВРЕМЕНА»

«Мне приходится выступать в необычайные времена» — с такой фразы начал 2 декабря свою речь Муссолини, сбивчиво и путано объясняя тяжёлое положение, в котором очутилась итало-немецкая коалиция.

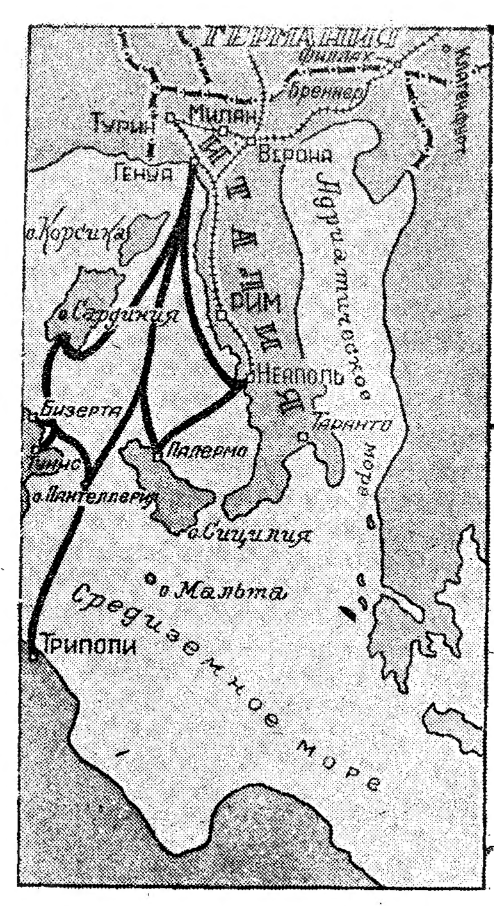
Времена — подлинно необычные. «Дуче» рассчитывал в 6 недель окончить войну и заприходовать лёгкую добычу. Прошло 30 месяцев — в 20 с лишним раз дольше срока, облюбованного Муссолини. Первый счет уже подведён. Война уже привела к тому, что итальянская колониальная империя рассеялась как мираж в Западной пустыне. Теперь настаёт очередь самой метрополии.

«Необычайные времена» — это первое настоящее ознакомление вытянутого с севера на юг итальянского «сапога» с разрушительным действием британской и американской авиации. Систематические воздушные рейды на Италию начались в ночь с 22 на 23 октября, с налёта крупных авиационных соединений на Геную; сброшено было много фугасных бомб весом в 2 тысячи килограммов, за которыми последовали «визитные карточки» весом в 3,5—4 тонны. Напомним, что начало этих налётов совпало с наступлением 8-й британской армии против войск Роммеля в Египте, у Эль-Аламейна.

ПРИЦЕЛ — В СЕРДЦЕ

Удары авиации наших союзников уже испытали десятки итальянских городов — на севере, на Апеннинском полуострове, на островах Сардиния и Сицилия. Вся Италия между Лигурийским и Адриатическим морями «простреливается» с воздуха. Но сила главного удара приходится, и не случайно, по треугольнику Генуя — Турин — Милан. Этот треугольник является подлинным сердцем итальянской военной промышленности.

В Генуе, городе с населением в 615 тысяч жителей, расположенном в глубине залива, который носит ее имя, сосредоточены (мы называем лишь крупнейшие, особо важные предприятия) заводы Ансальдо, производящие локомотивы и все виды тяжелого вооружения, включая крупнокалиберные орудия. Предприятия Ансальдо растянулись на 25 километров вдоль побережья. Здесь же расположены верфи Терни — Одеро-Орландо.

судоремонтные заводы, сталелитейные заводы Сестри Ильва, авиозаводы Пьеджио, производящие 4-моторные бомбардировщики, и, наконец, крупнейший завод точной аппаратуры фирмы Сан Джорджо.

Генуя — большой авиопорт и морской порт, центральный пункт переброски войск и военных материалов из Германии и Северной Италии для армии Роммеля.

Расположенный на реке По Турин, второй по значению промышленный центр Италии с населением в 630 тысяч человек,— резиденция известной фирмы Фиат. Здесь находятся ее главные автомобильные, тракторные и танковые заводы, занимающие площадь в 25 тысяч акров. На туринских предприятиях Фиат занято 50 тысяч рабочих. Известны также туринский завод транспортного оборудования Ланчия, химические заводы концерна Монтекатини, туринские предприятия искусственного шолка. Итальянский королевский арсенал и большой аэропорт Турина также входили в число объектов бомбежки.

Третий угол треугольника — Милан, город с населением в 1120 тысяч жителей, самый крупный промышленный, финансовый и торговый центр страны, узловой пункт 11 железнодорожных линий, в том числе самой короткой магистрали, ведущей из Германии к портам Италии.

В Милане сосредоточены: сталелитейные заводы Бреда, производящие все виды оружия, включая тяжёлые орудия; сталелитейные заводы Ломбардо Фальк, авиозаводы Капрони, моторостроительные заводы Изотта-Фраскини, заводы тяжёлого машиностроения Оффичини Механике и Мото-Механика, кабельный завод Пирелли, предприятия синтетического каучука, заводы Магнето-Морелли, производящие все виды электрооборудования, аккумуляторный завод Хансерберг, многочисленные текстильные фабрики.

Американская авиация успешно бомбила Неаполь — город с населением в 875 тысяч человек. Здесь расположены артиллерийские заводы, большие верфи. Неапольский порт — лучший в Западной Италии, и Муссолини поспешил перебросить сюда, по сообщениям английских газет, главные силы итальянского военно-морского флота, базировавшегося из Таранто.

ДНЕМ И НОЧЬЮ

Специальный корреспондент лондонской газеты «Дейли телеграф энд морнинг пост» описывает рейд британской авиации на Милан. Операция, начатая с утра, протянулась до глубокой ночи. Начали ее бомбардировщики дальнего действия «Ланкастер» — тремя волнами, по нескольку эскадрилий, в сопровождении истребителей,— поднявшиеся с аэродромов Англии и проделавшие в оба конца 1500 миль (2400 километров).

«Над Ламаншем шли низко, над самой водой. Без единого выстрела пересекли французскую береговую линию, воздушная армада шла над Францией на высоте 15 метров. Жители приветственно махали нам вслед поднятыми руками, дети показывали пальцами знак «V». Мы шли так низко, что стада овец и коров разбегались, испуганные грохотом моторов и видом мчавшихся машин.

Над Альпами пришлось набрать высоту до 3 тысяч метров, затем мы спустились до 1200 метров и вскоре увидели под собой, в просветах между облаками, миланский вокзал. Мы начали с него, сбросив бомбу в 2 тысячи килограммов.

Нам сразу бросилось в глаза, что противовоздушная оборона была застигнута врасплох. В воздух поднялся было один-единственный итальянский истребитель, но он быстро ретировался».

Так рассказывал корреспонденту один пилот, незадолго перед тем участвовавший в налёте на французские военные заводы Шнейдер-Крезо, а теперь совершивший свой 147-й боевой вылет.

«Был завод — нет завода»,— кратко сформулировал действие своей 2000-килограммовой бомбы пилот другого «Ланкастера».

Бомбёжка производилась некоторыми самолётами с высоты меньше 250 метров, каждый объект лежал как на ладони.

«Когда наша бомба ударила в цель, нам показалось, что завод подпрыгнул и взвился нам навстречу»,— рассказывал третий пилот.

В своё время итальянские фашисты чванились тем, что их авиация совместно с немецкой совершала налёты на Англию. Итальянские фашисты принимают участие в грабительском походе гитлеровских бандитов на нашу страну. Теперь для гитлеровских вассалов приходит возмездие — на Апеннинском полуострове.

Милан в огне. Снимок сделан с самолёта во время одного из налётов английской авиации. Пламенем объят крупнейший промышленный район Милана.

Группа английских лётчиков, принимавших участие в бомбардировке Милана. Возвратившись после удачного полёта, они оживленно обмениваются впечатлениями.

Охотники за минами

Десятки фашистских транспортов и военных кораблей лежат на дне наших северных морей. Советские моряки уничтожают немцев не только в наших водах, но и у вражеских берегов. Враг заминировал воды, расставил ловушки, стальные сети. Путь нашим боевым кораблям расчищают тральщики. Днем и ночью бороздят они море в поисках вражеских мин. Опасна и трудна работа минеров. →

↑ Сигнальщики неотрывно наблюдают за морем: не появится ли где-нибудь на поверхности хорошо знакомый шар? Вот недалеко от скалистого побережья Баренцова моря обнаружена плавающая немецкая мина.

↑ Звучит на тральщике команда: «В шлюпку!» Краснофлотцы-подрывники быстро спускаются по тросу и занимают места в шлюпке. Все приспособления, необходимые для подрыва мин, проверены, и шлюпка отходит от тральщика.

↑ Шлюпка подплыла к вражеской мине. Перегнувшись через корму, главный старшина В. Балашев закрепляет подрывной патрон. Восемьдесят мин взорвал уже старшина Балашев. Он награжден медалью «За отвагу».

После того как закреплен подрывной патрон, краснофлотцы поджигают шнур. Проходят секунды, и эхо взрыва разносится над волнами. В воздух взлетают осколки мины — и «плавучая смерть» уже нестрашна.

← Фоточерк Е. Халдея (ТАСС)

ЗАЯВКА НА 1943 ГОД

Анкета «Огонька»

Илья ЭРЕНБУРГ,
лауреат Сталинской премии

В 1943 году буду работать, отдавая все силы волне и победе.

А. ТВАРДОВСКИЙ

Весной 1942 года я сдал издательству «Молодая гвардия» книжку стихов «Юго-Западный фронт» — итог почти годичной моей работы в качестве специального военного корреспондента газеты «Красная Армия». Основное

ядро этой книжки составляют «Баллады».

Все лето — с перерывами для поездок на фронт — я писал «Василия Теркина» — «Книгу про бойца — без начала, без конца» (Вступление). Книга эта на днях выходит из печати.

1943 год будет годом новых подвигов героя поэмы, новых испытаний и трудностей, к которым ему уже не привыкать.

Я уверен, это попрежнему будет тот же Теркин:

«Битый, раненый, контуженный,
Да здоровый и живой».

Ник. АСЕЕВ

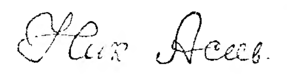
К новому, 1943 году я прихожу, во-первых, с очень обострившимся сознанием ответственности перед читателем-героем — защитником и патриотом своей родины. Это чувство, естественное во всякое время для писателя, сейчас с особенной силой владеет мною при работе над каждой строкой каждого стихотворения. Ни одного лишнего слова, ни одного образа, хотя бы и красивого, но не соответствующего той внутренней правде, которой живет и дышит весь мой народ, не хочу я допустить в свои стихи. Ни одного стертого выражения, трафарета, штампа, которые мертвят душу и чувство, не хочу я дать читателю. В этом моя задача и мой долг перед родиной.

К печати мной подготовлены стихи именно такого рода, тщательно отобранные в сборник «Будни войны». Из шестидесяти написанных за истекший год стихотворений для сборника я отобрал только шестнадцать. Они прове-

рены на различных аудиториях: большую часть из них я напечатал во фронтовых газетах, — и только одобренные бойцами и командирами, нашедшие себе отклик в сердцах читателей войдут в книгу.

Мною закончены три поэмы: «Победа впереди», «Времена меняются» и «Кама» — поэма об эвакуации. С этими вещами я вступаю в новый год.

Л. КАССИЛЬ

В начале 1943 года думаю закончить цикл рассказов о моряках Северного морского

флота и две повести: «Сын своего отца» для ребят среднего возраста и «Юнги с острова Валаама» для юношества. Кроме того предполагаю закончить вторую часть повести «Великое противостояние», первая часть которой вышла до войны.

Сама военная действительность наших дней продиктовала мне эти книги.

Б. ЛАВРЕНЕВ

В течение истекшего года я написал серию новелл о моряках военного флота, о простых русских людях, сражающихся за свою родину, героях и патриотах. Эти новеллы — общим количеством двенадцать — составили книгу «Люди простого сердца», выходящую в Гослитиздате. Часть новелл выпущена Военморизадатом в «Библиотечке краснофлотца».

«Молодая гвардия», Воениздат и Военморизадат выпустили мою брошюру о героине Севастополя — снайпере Людмиле Павличенко. Брошюра переведена на английский и другие языки. Она опубликована в Америке и Англии.

Заканчиваю пьесу о Севастополе — «Клятва верности».

В новом году хочу написать большую повесть о подводниках Северного флота, а также

повесть о судьбе инвалида отечественной войны, находящего себе активное место в жизни благодаря любви, вниманию и заботе советских людей.

Буду продолжать работу над новеллами, число которых хочу довести до пятидесяти.

Вс. ИВАНОВ

С начала года начнет печататься мой новый роман — «Матвей Ковалев», названный так по имени главного героя романа — стахановца крупнейшего завода в областном городе России, защищающемся от немцев. Описывается лето и осень 1941 года — начало войны. С винтовкой в руке на фронте, у станка в ближайшем тылу рабочие завода отстаивают свою страну с мужеством поразительнейшим. Геройству простых советских людей, их труду и борьбе, их росту и посвящен мой роман.

Сейчас я работаю над двумя темами.

Первая — сценарий «Хлеб», о том, как Узбекистан, где я провел несколько месяцев, из республики, потребляющей хлеб, превратился в республику, производящую хлеб, не оставляя, конечно, и прежней своей специальности — хлопок и шелк. Стахановцам узбекистанских полей, героям труда, посвящена эта моя работа.

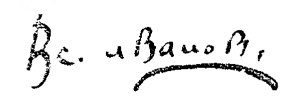
Вторая — биографии Героев Советского Союза. В частности заканчиваю биографию Героя Советского Союза капитана гвардии И. Стибнева. Работа эта очень увлекательна и поучительна. Видишь замечательнейших людей страны, узнаешь о подвигах, которым нет равных на свете, знакомишься со скромнейшим и превосходнейшим советским человеком, несущим и воплощающим собою победу над фашизмом.

Собираю я также материал для приключенческо-фантастического

ческого романа «Сокровища Александра Македонского». В легкой и увлекательной форме романа приключений мне хочется познакомить наше юношество с древней культурой Греции, с современными воззрениями на нее, с современным состоянием археологии — советской и зарубежной. Действие романа происходит в Средней Азии, там, где Искандер двурогий бился с войсками скифов.

Над романом «Сокровища Александра Македонского» я начну работать в начале 1943 года.

Л. СЛАВИН

До сих пор за время войны я написал, помимо большого числа фронтовых корреспонденций, повесть «Моя земля-

ки» и поэтическую пьесу «В тени цветущего дерева».

Сейчас заканчиваю пьесу об обороне Москвы в зиму 1941 года.

В дальнейшем предполагаю написать роман на основе наблюдений, накопившихся за время великой отечественной войны.

Наряду с этим буду продолжать свою повседневную работу военного корреспондента из действующей армии.

Конст. СИМОНОВ,
лауреат Сталинской премии

В будущем году, как и в этом, мои основные планы сводятся к тому, чтобы попрежнему в качестве военно-

го корреспондента «Красной звезды» стараться увидеть самое интересное и значительное из того, что происходит на фронтах, и в своих военных корреспонденциях дать об этом представление возможно более широкому читателю.

Кроме того я хочу в течение зимы—весны написать вторую книгу Лирического дневника — «С тобой и без тебя».

Леонид СОБОЛЕВ

Глубоко верю, что в наступающем 1943 году ход великой отечественной войны подскажет мне тему самой луч-

шей, самой радостной моей работы. В ней будет рассказано о том, как Красная Армия и Военно-Морской Флот гонят на запад окончательно разгромленные полчища фашистов.

Богатейшая сокровищница Советского Союза — могучий Урал за полтора года великой отечественной войны превратился в грозный военный арсенал нашей страны. Все свои природные дары, всю свою гигантскую мощь отдает Урал для победы над врагом. Уголь и руду, нефть и химию, чугун и сталь, тяжелое и легкое машиностроение — все дает Урал фронту.

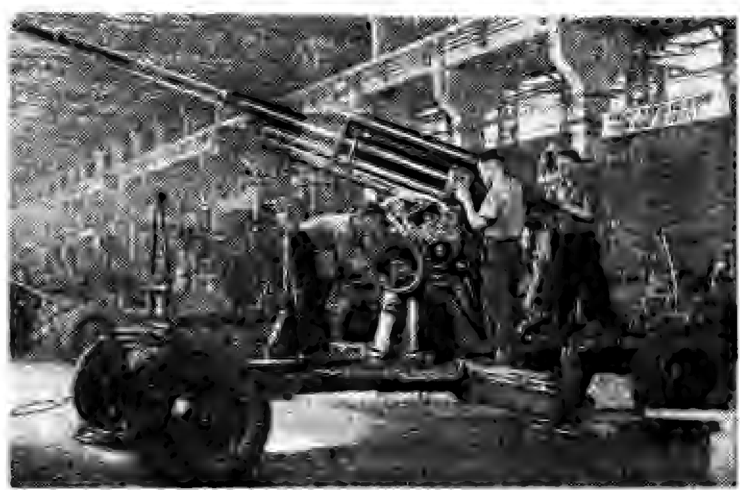
Год назад уральцы обратились к товарищу Сталину с письмом, в котором клялись увеличить вдвое, втрое выпуск продукции, давать фронту все больше и больше вооружения и боеприпасов. Свою священную клятву патриоты Урала сдержали. Непрерывным потоком движутся на фронт эшелоны с танками, самолетами, пушками, минометами, автоматами. Бойцы Красной Армии дают высокую оценку уральским пушкам и танкам, пулеметам и автоматам. Знает им цену и враг, испытавший на своей шкуре грозную силу выкованного уральцами оружия.

Люди Урала — чудесный, упорный, непоколебимый народ. Урал дал стране лучших стахановцев промышленности, смелых новаторов производства. Здесь, на одном из заводов, работает известный всей стране фрезеровщик лауреат Сталинской премии Дмитрий Филиппович Босый.

Василий Иванович Сосунов — один из виднейших мастеров Первоуральского завода. За самоотверженную работу правительство наградило его орденом Ленина.

↑ Сборка зенитных орудий заканчивается. Скоро они будут отправлены на фронт и в умелых руках наших зенитчиков-артиллеристов заговорят грозным для врага языком.

← Знатный медеплавильщик, скоростник Тимофей Матвеевич Степайкин, удостоенный высокой правительственной награды — ордена Ленина.

Фото Я. Бродского.

НОВЫЕ ПОХОЖДЕНИЯ БРАВОГО СОЛДАТА ШВЕЙКА

(Часть вторая)

М. СЛОБОДСКОЙ

Рисунок О. Верейского.

5. ЧОРТОВА ДЮЖИНА

Через два дня Швейк уже совершенно обжился в заведении доктора Киршбаума и чувствовал себя как дома. Так как он ни разу не попытался откусить нос санитару или лаять, стоя на голове, и вообще не позволял себе тех маленьких вольностей, которыми отличались остальные обитатели школы, для него был установлен облегченный режим. Доктор Киршбаум чувствовал к нему непреодолимую симпатию, так как видел в нем единственного сумасшедшего среди десятков симулянтов. В итоге бравый солдат запросто заходил во все палаты, вел содержательные беседы с ненормальными, получал улучшенный паек,— словом, был в привилегированном положении.

В это утро, как каждый день, Киршбаум, встретив Швейка, ласково улыбнулся ему и спросил:

— Ну-с, как мы себя чувствуем?

— Осмелюсь доложить, господин доктор, великолепно,— жизнерадостно ответил Швейк.— Я здесь чувствую себя так, как будто приехал в отпуск в Берлин. Для полного впечатления не хватает только воздушных бомбардировок. А что касается патриотических чувств, так тут даже лучше. Ведь в Берлине мне едва ли удалось бы встретить нашего обожаемого фюрера, господина Гитлера, а здесь я каждый день вижу тринадцать штук, чортову дюжину, и все такие же сумасшедшие.

— Тс-с,— испуганно остановил его доктор,— вы, надеюсь, понимаете, что все они совершенно нормальны и только симулируют манию величия.

— Ах, вот что! — разочарованно протянул Швейк.— Ну, если они нормальные, тогда фюреров из них, конечно, не получится. Между прочим, интересно, почему все современные немецкие маньяки чаще всего воображают себя именно господином Адольфом Гитлером? Я думаю, это происходит просто от необразованности. Истории они не учили, с искусством незнакомы и вообще никого действительно великого не знают, вот им и приходится довольствоваться малым.

Доктор Киршбаум слушал Швейка, одобрительно кивая, и, когда тот кончил, удовлетворенно отметил:

— Недержание речи. Так, так. Теперь мне все ясно.

И, записав что-то, Киршбаум поспешил на утренний обход в третью палату. Он торопился, так как через полчаса должна была явиться отборочная комиссия. Швейк увязался за ним.

В третьей палате содержались тринадцать пар усов бабочкой, тринадцать свисающих чубов, тринадцать истерических глоток. И хотя усы располагались под носами самых различных форм — от древнеримского до ультракурносого, хотя цвет чубов колебался между прелосоломенным и густовороньим, каждый из обитателей уверял, что именно он и есть Адольф Гитлер, единственный и несравненный. Между тем Гитлеры вообще не отличались оригинальностью. Шестеро из них с утра до ночи нудно маршировали, принимая воображаемые парады, требовали, чтобы санитары орали им «хайль», и сами что-то выкрикивали не настоящими, обезьяньими голосами.

Четверо других Адольфов были попросту воры с завидущими глазами. Свихнувшись от жадности, они вообразили себя фюрерами, очевидно, потому, что их привлекла возможность безнаказанно хватать все, что попадется на глаза.

Одиннадцатый Гитлер, лысеющий болван в пилотке, напяленной поперек головы, отличался тем, что от трех до пяти часов вечера был по совместительству Наполеоном.

Зато последние два фюрера представляли незаурядный интерес.

Адольф Двенадцатый, в прошлом оберлейтенант Данкель, считал себя повелителем уже завоеванной земли и разрабатывал дальнейшие наступательные операции. Киршбаум и Швейк застали его у карты звездного неба, которую трудолюбивый Адольф нарисовал на стене остатками от обеда. В центре карты помещался акуратно выполненный киселем земной шар, перекрещенный рельефной свастикой из картофельного пюре. Три грозных щавелевых стрелки шли от него к луне и зловеще охватывали клещами беззащитного спутника.

— Мой план гениально прост,— пояснил Данкель.— объектом нашего дальнейшего наступления будет луна. С минуты на минуту я жду послов оттуда и подпишу с ними мирный договор сроком на 2 тысячи лет. Подписание договора будет сопровождаться трехдневными праздниками. В течение этих трех дней две воздушные армии после предварительной бомбардировки высадят на луне десанты, которые начнут наступательные операции...

— Хайль! — вдруг гаркнул Швейк и, мелко дрожа, вытянулся «смирно».

— Что с вами? — спросил Киршбаум.

— Осмелюсь доложить, господин доктор,— опасливо оглядываясь, прошептал Швейк,— судя по тому, как он говорит, это настоящий фюрер, и вам может сильно влететь за то, что вы его держите в сумасшедшем доме.

— Не бойтесь,— успокоил его Киршбаум,— вы же видите, что он блондин. Его настоящая фамилия Данкель.

— Это верно,— облегченно вздохнул Швейк,— по масти он не подходит. Но всетаки лучше пойдем к тому старичку, а то я боюсь, что этот начнет кусаться.

Адольф Тринадцатый, который привлек внимание бравого солдата, что-то быстро писал, примостившись у окна.

— Ну, как, Адя,— фамильярно обратился к нему Швейк,— все пишешь? Законы сочиняешь?

— Одну минутку, я сейчас вас приму,— сказал последний Гитлер и, поставив точку, отложил рукопись.— Вас, должно быть, интересует моя работа над второй частью книги «Мейн кампф». Я как раз закончил вторую главу, где я расширяю понятие о расовом учении. Пора заявить всему миру, что отныне расовое деление вводится среди животных и растений. На земле должны произрастать только арийские цветы, злаки и деревья. В лесах должны ходить северогерманские животные. Все неарийские растения объявляются неполноценными и вырываются с корнем. Я, кстати, уже вырвал из кадушки пальму в коридоре.

— Это гениально! — восхитился Швейк.— Пальма — низшая раса, а дуб,— безусловно, чистый ариец. Интересно вот, как вы будете делить животных, скажем, собак? Ну, немецкая овчарка — это дело ясное, а остальные?

— По рождению, по районам распространения...

— Нет, нет, это слишком сложно,— возразил Швейк.— Я много занимался собаками и считаю, что лучше всего делить их по фамилиям. Шпиц, например,— немец. Даже фон Шпиц. Сен-бернар, Бульдог, Доберман-пинчер,— безусловно, не арийцы. В каждом городе организуется гетто, где будут жить «унтерхунд» — недособаки. Они будут носить на хвосте специальные повязки и выискивать блох у шпицев. Скрещивание высших пород с низшими карается смертной казнью как для провинившихся животных, так и для хозяев. Осмелюсь доложить, господин доктор, честное слово, этот проект надо немедленно отправить в Берлин, ему там цены не будет...

— Идемте, идемте,— прервал его Киршбаум,— комиссия, наверно, уже ждет. Я хочу показать вас первым.

И он почти силой выволок Швейка в коридор.

— Ну, как вам они понравились? — спросил доктор.

— Осмелюсь доложить, по-моему, очень похожи,— неопределенно ответил Швейк, следуя за доктором в бывшую учительскую, где заседала отборочная комиссия во главе с комендантом деревни Крушинина. Когда бравый солдат увидел оттопыренные уши и прыщавый лик коменданта, глаза его наполнились слезами умиления и с криком: «Боже мой, как я рад вас видеть!» — Швейк бросился обниматься.

Комендант не оценил этого порыва и, решив, что имеет дело с буйнопомешанным, поспешно полез под стол.

(Продолжение следует.)

— Ну, как, Адя,— фамильярно обратился к нему Швейк,— всё пишешь! Законы сочиняешь!

См. «Огонек» № 52 за 1942 год.

Московские дни

НАТАША

ТАТЬЯНА ТЭСС

В комнате у истопника сидела девочка, которой я не знала. Я принесла истопнику для починки горелку от газовой плиты; у него были золотые руки, какие бывают у русских людей, и над каждой вещью, которую ему приносили для починки, он мудрил с увлечением, с ловкостью, и по лицу его было разлито такое удовольствие, как будто он ел в это время сладкое.

Истопник был старый человек с седой головой и сивыми от седины усами, только брови у него почему-то были чёрные и густые, как у грузина. Когда он говорил, то шевелил бровями и правая бровь у него всегда подымалась выше левой. Он был добряк и философ и очень любил порассуждать, особенно о политике. Жил он один, но в комнате у него была та педантичная опрятность, какая бывает у человека, давно привыкшего к своему одиночеству.

Девочка, которой я не знала, сидела на полу, на старом, промытом до глянца линолеуме. На вид ей было лет пятнадцать. Сидя на полу, она рисовала по линолеуму мелом, как если бы это была грифельная доска.

— Вот сюда выходило окно моей комнаты, — говорила девочка, не видя меня, и рисовала на полу маленький четырехугольник. — А вот здесь была большая круглая клумба, на ней росли флоксы. Это многолетние цветы, они сами вырастали каждый год. У нас были белые флоксы и лиловые.

Тут девочка нарисовала кружок и по середине его — много маленьких звездочек, изображавших флоксы. Потом она провела две линии и в конце их нарисовала мелкую сетку.

— Здесь была теннисная площадка, — объяснила она.

— Понятно, — сказал истопник и пошевелил бровями.

— Отсюда был ход на нашу террасу, — сказала девочка, нарисовала ряд палочек и вокруг каждой палочки провела спиральную линию. — Дикий виноград, — сказала она тихо, и глаза у нее стали очень грустными.

На девочке была надета ватная куртка, какую носят рабочие, на ногах ее были широкие, не по ее размеру башмаки. У нее были большие, красные, загрубевшие руки — руки человека, занимающегося физическим трудом, но в тонком лице её, в манере, с которой она держала мел и рисовала, в наклоне головы и очертании плеч было нечто такое, что заставляло представить ее себе скорее за роялем, нежели за станком. Опустив голову, она рисовала сейчас на полу квадратик, потом прорубила в нем окно и принялась расставлять вдоль сторон квадрата завитушки.

— Что это, Наташа? — спросил истопник.

— Это комната, в которой жила мама, — сказала девочка и вдруг стерла тряпкой все, что было нарисовано на полу, и встала. Губы у нее дрогнули; не глядя ни на кого из нас, она коротко сказала «до свидания» и пошла к дверям.

— Приходи, Наташенька, — сказал ей вслед истопник, но девочка уже не слыхала и ничего ему не ответила.

Сквозь окно было видно, как она, нахохлившись и засунув руки в карманы ватника, бежит через двор по занесенной снегом тропе.

Истопник хотел что-то сказать, но только откашлялся и вздохнул. По всему лицу его и даже по бровям, которыми он сейчас шевелил, была разлита жалость, сокрушение и что-то еще, что делало его лицо с торчащими стариковскими усами добрым, как у няньки. Он еще раз вздохнул так громко, что раздул у меня на голове волосы, и отвернулся к окну.

— Чья это девочка? — спросила я тихо.

— В том-то и дело, — сказал истопник и махнул рукой. — В том-то и все дело, — повторил он с силой, — чего с детьми делают, чего делают, господи ты боже мой!..

Наташа была дочерью крупного инженера по фамилии Благоволин. Насколько можно было понять из рассказа истопника, это была семья дружная, веселая, жили в ней очень складно. Родители Наташи были людьми молодыми, не баловали дочери, но очень любили ее той ровной любовью, которой любят раннего и удачного ребёнка. Вместе с отцом и матерью Наташа ходила на лыжах, играла в теннис; они любили друг друга, как нежные друзья, как веселые и близкие товарищи; у Наташи была своя кличка в доме — ее называли почему-то «полковник».

У Благоволиных была дача, отличная дача с цветником и теннисной площадкой, с большими, удобно обставленными комнатами. Отец Наташи любил дома что-либо мастерить: в комнатах стояли громадные зажигалки, которые надо было крутить за ручку, чтобы они зажигались, из кабинета отца к Наташе был проведен телефон домашнего производства, антенна на крыше была такой величины и таких необыкновенных очертаний, что ее называли в доме Эйфелевой башней.

Когда началась война, отец Наташи в первые же дни погиб на фронте.

Поверить этому было невозможно. Наташа ходила по даче, из одной комнаты в другую; везде лежали вещи отца, на столе лежала его трубка; Наташа крутила ручку громадной зажигалки, вспыхивал ясный огонек, Наташа смотрела на него, потом задувала и снова крутила ручку, — и так до тех пор, пока не приходила мать и, молча взяв Наташу за руку, уводила её из комнаты. И Наташа говорила ей громко, так громко, что обе они пугались её голоса:

— Этого не может быть, мама.

Город, где жили Наташа с матерью, начали бомбить, бомба попала в их дачу. Целым на даче остался только забор с надписью: «Просят звонить. Во дворе собака». На рассвете Наташа с матерью пошли по городу, пробираясь к заводу, где раньше работал отец. Из немецкого самолета улицу обстреляли — мать Наташи была убита.

Всё это произошло быстро, так быстро и ужасно, что казалось дурным сном. Наташа окликала себя по имени, чтобы проснуться. Она говорила так, как называл её отец: «Полковник!» В Москве, в детском доме, куда ее привезли, она кричала ночью: «Полковник!» Потом она притихла и стала вялой и спокойной. Из детского дома её забрала к себе простая женщина, у которой было трое своих детей. Наташа так же вяло и спокойно пришла в чужой дом. Она очнулась только тогда, когда женщина вечером обняла её, прижала её стриженую голову к своей большой, доброй груди и сказала ей что-то страшно ласковое, что-то, чего Наташа даже не поняла и не услыхала толком, но вдруг задрожала, забилась и в первый раз при всех заплакала.

В семье жили небогато, и Наташа решила пойти работать на завод. От отца она унаследовала любознательность, точность в движениях, любовь к технике. Работать на заводе было тяжело. Тяжелы были и ранние вставания, и непривычный труд, и холод в цехах. Но Наташа привыкла быстро — быстрей, чем сама могла подумать. Ей помогали интерес к работе и внутреннее упорство, которое запрещало ей уступить усталости. Она почувствовала себя нужной и ухватилась за это всем сердцем, и не отпускала от себя этого чувства, как голодный человек не выпускает из рук хлеба, который ему дали.

С истопником Наташа подружилась и часто приходила к нему. Придя, она иногда оживлялась и рассказывала ему об оперном театре в их городе, о концертах, о поездках с матерью на курорт. Потом, сев на пол, она принималась рисовать. Она рисовала горы и озера Кавказа, море, водопады, дома отдыха. Потом она начинала рисовать дачу и грустнела все больше, вдруг умолкала и долго сидела молча на полу.

— Полковник... — сказал истопник и покачал головой. — Помирать буду, беды ее забыть не смогу. За детей малых, за все, что сделал враг с землей нашей, боже ж ты мой, не будет ему пощады. От самых кротких, от самых добрых — и то пусть пощады не ждет.

Лауреат Сталинской премии композитор Дмитрий Шостакович просматривает американские газеты с сообщениями об исполнении его произведений в США и ноты песни «Объединенные нации».

Фото М. Сироткина.

СОВЕТСКАЯ ПЕСНЯ ЗА РУБЕЖОМ

Есть песни, которые поёт весь мир. Мелодию такой песни можно услышать и в лондонских доках и в нью-йоркском метро. Ее насвистывает в походе австралийский солдат, ее распевают ребята на улицах Чикаго. Она приглушённо звучит в затемнённых кварталах оккупированной Европы.

К числу таких мелодий относятся песни советских композиторов: «По долинам и по взгорьям» в обработке А. Александрова, «Песня о родине» — И. Дунаевского, «Полюшко» — Л. Книппера, «В бой за родину» — З. Компанейца, «Тачанка» — К. Листова и другие.

Интересна судьба «Песни о встречном» Д. Шостаковича. Эта песня — из кинофильма «Встречный» — получила громадное распространение заграницей ещё с 1936 года. Она была переведена на множество языков и издана во Франции, США, Англии, Китае.

Недавно американский поэт Гарольд Ром написал к этой мелодии новый текст, отражающий борьбу объединённых демократических стран против гитлеризма. «Объединенные нации» — так называется теперь эта песня, изданная в США с новым текстом в тысячных тиражах. Она записана на граммофонную пластинку и ежедневно передается по американскому радио.

Не преувеличивая можно сказать, что песня «Объединенные нации» пользуется в Соединенных Штатах Америки небывалой популярностью. Советскую музыку, в частности произведения Д. Шостаковича, знают и ценят в США.

Рецензент газеты «Уошингтон стар» пишет:

«Можно предсказать, что Шостакович завоюет себе этой песней более широкую популярность, чем любым своим крупным оркестровым произведением, ибо эта песня обладает силой и ритмом, которые создают подлинный боевой военный гимн».

Газета «Нью-Йорк таймс» сообщает, что после исполнения песни «Объединенные нации» аудитория потребовала ее повторения и выслушала во второй раз стоя, как слушают национальный гимн».

«ОБЪЕДИНЕННЫЕ НАЦИИ»

Музыка Дм. Шостаковича.
Текст Гарольда Рома в переводе Н. Кулаковской и Г. Кнаба

1

И солнце и звёзды ответят
Той песне, что землю ведёт
К суровой борьбе и победе
И к миру, который грядет.

Припев:

В боях союз наш выкован,
Друзья, вперёд!
Того, кто смело борется
Победа ждёт.

2

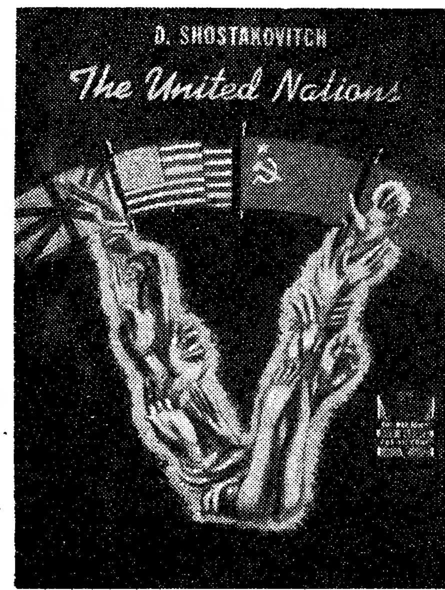
И там, где фашистская нечисть
Сегодня Европу гнетёт,
Расправив могучие плечи,
Восстанет свободный народ.

Припев:

3

Так верно, как солнце восходит,
Как в море потоки бегут,
К добытой отцами свободе
Счастливые дети придут.

Припев:

Обложка песни «Объединенные нации», изданной в США. Музыка Дмитрия Шостаковича.

• Театр • Кино • Музыка •

ПЬЕСА «ФРОНТ» НА СЦЕНАХ СТРАНЫ

Пьеса лауреата Сталинской премии Александра Корнейчука «Фронт» с большим успехом поставлена во многих городах нашей страны. На снимках: слева — сцена из пьесы «Фронт» в Калининском областном драматическом театре. Справа: спектакль «Фронт» в постановке Киевского ордена Ленина Академического театра имени Ивана Франко, работающего сейчас в Семипалатинске. Сцена в окопе. Слева направо: заслуженный артист УССР Е. Пономаренко в роли Сергея Горлова и артисты Ю. Величко, П. Шкреба, М. Панасьев и Б. Степаненко в ролях героических «апостолов» — Остапенко, Гомелаури, Башлыкова и Шаяметова.

НА ЭКРАНАХ 1943 ГОДА

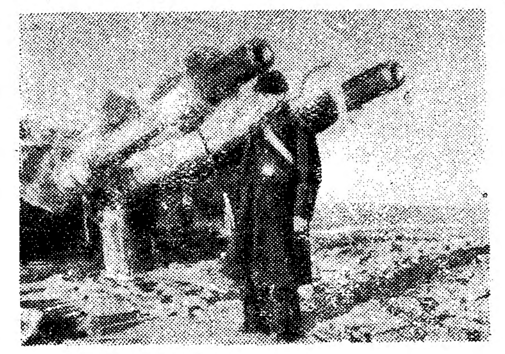
Советские зрители хорошо знают и любят картины режиссёра И. Пырьева — постановщика фильмов «Богатая невеста», «Трактористы», «Свинарка и пастух» и «Секретарь райкома». Сейчас И. Пырьев приступил к работе над фильмом «Москвичка» по сценарию В. Гусева. В этой картине будут показаны женщины и девушки Москвы, принимавшие участие в обороне столицы зимой прошлого года.

Автор известного исторического фильма «Пётр Первый», лауреат Сталинской премии режиссёр В. Петров ставит большой художественно-исторический фильм «Фельдмаршал Кутузов» по сценарию В. Соловьёва.

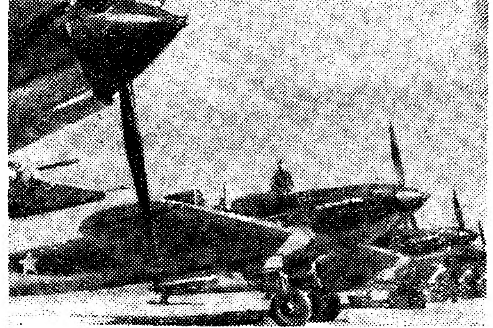
Режиссёры А. Столпер и Н. Иванов работают сейчас над новым сценарием Константина Симонова — «Жди меня».

Режиссёр Ю. Райзман, последнюю работу которого — фильм «Машенька» — с интересом смотрели советские зрители, приступает к съёмкам картины «Небо Москвы». Сценарий написан драматургом Е. Мдивани по его пьесе того же названия. Фильм посвящён работе московских лётчиков-истребителей осенью и зимой 1941 года.

Кроме того советский зритель увидит на экране пьесу А. Корнейчука «Фронт», повесть Ванды Василевской «Радуга».

Кадры из документального фильма «69-я параллель». На вахте.

Эскадрилья штурмовиков на одном из северных аэродромов.

«69-я ПАРАЛЛЕЛЬ»

Суровы берега незамерзающего Северного моря. Из портов далёкой Америки вместе со струей Гольфстрема к этим хмурым, заснеженным скалам идут караваны тяжело нагруженных судов. Но морская дорога работает безотказно! Один за другим подходят к портам караваны. На некотором расстоянии от русских берегов транспорты встречаются с кораблями Северного военно-морского флота СССР.

Героической борьбе нашего Северного флота с фашистским врагом посвящён новый документальный фильм Центральной студии кинохроники — «69-я параллель».

Перед глазами зрителей проходит большая галерея портретов советских воинов. Это разные люди, из разных городов, сел и деревень, разными они занимались делами, и из разных концов страны доставляет им письма военно-морская почта. Но теперь все они — от дважды Героя Советского Союза лётчика Сафонова до безымённой девушки-медички, вытаскивающей раненых из самого пекла боя, — все они объединены сейчас одним великим делом: они сражаются за отчизну. Благородный облик советского воина встает перед глазами зрителей этого фильма. Это и есть главный герой «69-й параллели», отстаивающий великую морскую дорогу Севера — дорогу, которой приходят в наши порты всё новые корабли союзников.

Правдивый, боевой, уверенный и бодрый фильм! Авторы-режиссёры В. Беляев и М. Ошурков создали цельное произведение на материале фронтовых съёмок кинооператоров Г. Донца, В. Миценко, Ф. Овсянникова, М. Ошуркова, С. Урусевского.

Текст фильма написан Леонидом Соболевым тепло, с юмором и лиризмом.

К. РУДНИЦКИЙ

Вот всё, что осталось от потопленного североморцами фашистского транспорта.

Оленьи упряжки доставляют на аэродром боеприпасы.

ЯРКИЙ СПЕКТАКЛЬ

Ансамбль песни и пляски НКВД СССР порадовал зрителей новой театрализованной программой «Отчизна».

В первой картине программы исполняется сюита Д. Шостаковича — «Родной Ленинград». Увертюра «Октябрь 1917 года», песня-частушка «Над Невою многоводной» и, наконец, пляска молодёжи, поставленная В. Вайноненом, переносит нас в первые дни Октябрьской революции. Художник П. Вильямс создал прекрасный фон. Решотка Зимнего дворца, Медный всадник, арка, ведущая на площадь Урицкого, наконец, памятник Ленину у Финляндского вокзала воспринимаются как символ стойкости и мужества не только ленинградцев, но и всех советских людей.

Особое место занимают в программе песни и пляски народов СССР. С большим чувством поёт украинские песни артистка Андрейченко — «Стоить гора високая» и «Ой, не світи, місяченьку». Очень интересны танцы, поставленные К. Голейзовским.

В грузинском разделе программы участвуют певец Гегучадзе и танцоры Грикурову, Натарая, Лаладзе, Гатиатулина. В танце армянских крестьян «Тригги» Гатиатулин продемонстрировал незаурядные способности.

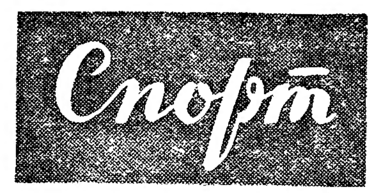
Молдавская пляска в исполнении ансамбля песни и пляски НКВД СССР.

Фото И. Шагина

Программа завершается сюитой на тему об отечественной войне.

Полная юмора и задора танцевальная картина «На отдыхе» (постановка К. Голейзовского), лихая казачья пляска хорошо дополняют спектакль.

Ставил спектакль Сергей Юткевич, художественный руководитель — З. И. Дунаевский.

СТАРЕЙШИЙ КАТОК СТОЛИЦЫ

Сжатая со всех сторон многоэтажными зданиями жилых домов, площадь прозрачной глазури льда скрыта со стороны Петровки и Неглинной улицы.

Каток принял на сверкающий ковер первых посетителей. Среди них были школьники, артисты, поэты, инженеры, военные — люди всех профессий и возрастов, пришедшие принять освежающую ванну декабрьского московского воздуха.

Конькобежцы-мастера З. Холщевникова, М. Кулакова и заслуженный мастер спорта И. Аниканов на катке «Динамо».

Спортивная история старейшего катка столицы имеет много ярких страниц. Пятьдесят четыре зимы назад, 19 февраля 1889 года, на катке Московского яхтклуба был проведен первый розыгрыш Всероссийского чемпионата. Историческое соревнование выиграл петербуржец Александр Паншин. В ту же зиму Паншин стал победителем международного матча в Амстердаме в состязании с прославленным американским чемпионом Доногю, не знавшим поражений на катках Нового Света.

Львиную долю спортивной славы на льду завоевал «железный чемпион» Яков Мельников, одиннадцать раз получавший это почетное звание. Звание первого конькобежца страны присуждалось по четыре раза москвичам С. Пуресеву и Н. Седову, по три раза — москвичам Н. Струнникову, П. Ипполитову и И. Аниканову.

НА ЛЫЖАХ

Ранним декабрьским московским утром на снежную дорогу выходит широкоплечая спортсменка Мария Осадчая.

Пунцовая кофта чемпионки ярким флажком мелькает на белоснежном просторе Останкинского парка, между покрытыми мохнатым инеем высокими липами. Сильные, уверенные движения спортсменки вымеривают лыжную дорогу, по которой пойдут всевобучники, лыжные подразделения предприятий, школьники, ученики ремесленных училищ, бойцы воинских частей, отряды медсестер и сандружинниц.

Мария Осадчая то кладет поклоны технике одновременного хода, то идет размашистым попеременным русским ходом, то вымеривает расстояние четырехшажным ходом «в перекидку». Она по-хозяйски осматривает снежную дорогу и, довольная, возвращается на базу.

Бывший начальник цеха на механическом заводе, слесарь-стахановец 5-го разряда, тренер физкультуры 1-й категории — разносторонняя чемпионка этой зимой завоевала первенство в пятой физкультурной специальности.

Мастер спорта был назначен директором лыжной базы в Пушкинском. «Лыжную гостиницу» нужно было открыть в срок для военно-лыжной подготовки московского населения.

Директор, инструкторы лыжной науки, ремонтеры, раздатчицы, уборщицы, художники убирали помещение, украшали комнаты, наводили порядок в лыжном доме. Финиш был блестящим. База в Пушкинском первая в Москве открыла двери светлого, чистого, опрятного во всех мелочах помещения лыжной станции.

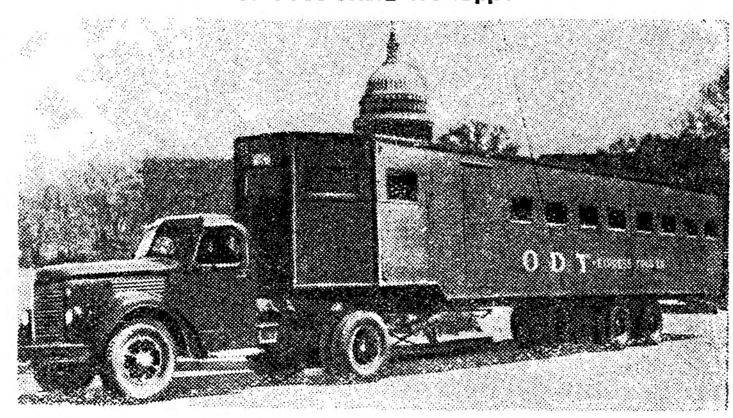

Мастер спорта Мария Осадчая (впереди) тренирует молодых лыжниц на лыжной базе в Пушкинском.

Фото И. Волкова.

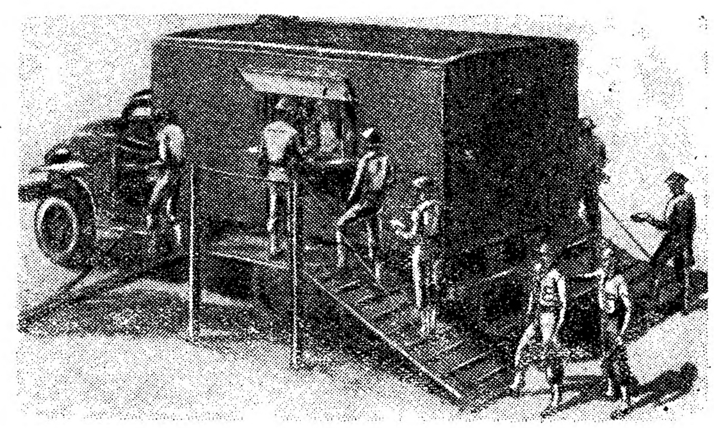
Техника за рубежом

АВТОБУСНЫЕ ПОЕЗДА

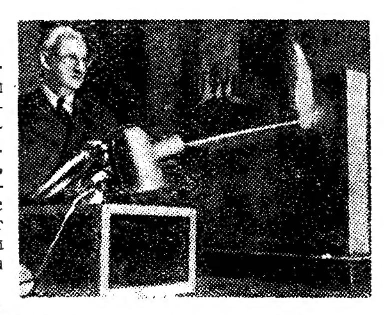
Для перевозки рабочих на военные заводы в Америке начали применять автомашины, вмещающие 141 человека. По внешнему виду такая машина длиной в 14 метров походит на обычный вагон товарного поезда. Корпус ее в основном сделан из фанеры. По всей длине кузова устроены деревянные скамьи на четыре человека. Проход оставлен лишь с одной стороны. «Паровозом» служит двигатель полуторатонки. Эксперты считают, что такой автобус, заменяя личные машины при доставке рабочих на оборонные предприятия, даст немалую экономию горючего.

АВТОКУХНЯ

В американской армии широко используют подвижные кухни, полностью оборудованные для снабжения в полевых условиях горячей пищей 200 бойцов. В кухне экономно и целесообразно размещены все необходимое оборудование и немалый запас продуктов. Посреди кухни по всей ее длине проходит стойка, на которой установлены два вместительных кипятильника, термос и печь. Под стойкой размещены ящики для хранения посуды, провизии и баков для супа или молока. В особом отделении под стойкой оборудован резервуар с бензином для печных горелок. На передней стене устроены полки для посуды и приправ. Во время стоянки с обеих сторон автофургона устанавливаются сходни с мостиком. Во время раздачи пищи бойцы поднимаются по сходням к раздаточным окнам. При передвижении кухни сходни в собранном виде укладываются в проходах автомашины.

РОБОТ-ПОЖАРНЫЙ

Один из инженеров фирмы Вестингхауз электрик энд мэнюфакчеринг компани сконструировал робота-пожарного, который автоматически распознает возникший огонь и гасит его. Фотоэлемент («электрический глаз»), регистрирующий возникновение пламени, установлен в латунной трубке с хоботком, через который проходит брандспойт пожарного шланга или огнетушителя. При запуске мотора трубка движется ритмически из стороны в сторону и вверх и вниз. Если свет пожара попадает прямо на фотоэлемент, робот перекидывает переключатель, тем самым прекращая движения хоботка, направленного прямо на пламя, и автоматически открывает доступ воде, бьющей прямой струей на основание пламени.

На фото: робот в действии.

Цена 35 коп.

МИРАЖ И ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТЬ

Египет

ТУДА. «Непобедимый генерал Роммель».

ОБРАТНО. Недогонимый генерал Разгроммель.

Рисунок Бор. Ефимова.

Зам. отв. редактора — И. ЕРУХИМОВИЧ. Адрес редакции: Москва, ул. «Правды», 24. ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА».

А62161. 2 п. л. Подписано к печати 31/XII—42 г. Изд. № 1096. Тираж 150.000. Заказ № 3584.

Типография газеты «Правда» имени Сталина. Москва, ул. «Правды», 24.